

НАТАЛИЯ МАТЕЙЧИК

НА СКРИЖАЛЯХ СУДЬБЫ
**ДЕРЗКИЕ
ДНИ**

Аннотация

Валя — прекрасный, магический, колдовской мир. Здесь летают на воздушных шарах, ходят по воде и творят магию. Но этот мир охвачен войной — здесь жгут города, здесь льётся кровь и здесь убивают. Влад и его друзья идут своей дорогой, но они даже не подозревают, с чем им придётся столкнуться на этот раз. Им предстоит выпутаться из ловушки энерговампира, посетить затерянный в горах «летающий» храм, найти таинственный Яшимовый кинжал, встретиться со смертельной опасностью, ощутить горечь потерь и повзрослеть. Вторая книга тетралогии.

Наталия Матейчик
На скрижалях судьбы
Книга II
Дерзкие дни

Глава первая
Неожиданная слезка

По безлюдному стылому коридору небольшого полуразрушенного замка стремительно шли трое мужчин. Звуки их шагов глушил тяжёлый сырой воздух, а чёрные шёлковые плащи, украшенные искусной золотой вышивкой, летели за спинами, словно крылья. Мужчины свернули за угол и остановились перед небольшой неприметной дверью, у которой стояли на часах два высоких стражника-лешана.

— Пропустите его! — велел стражникам высокий пожилой орн, указывая на одного из своих спутников.

Стражники расступились, и под прицелом четырёх взглядов мужчина сделал несмелый шаг к двери.

— Жди в комнате! — велел ему всё тот же высокий орн.

За спиной вошедшего неслышно закрылась дверь, и мужчина стал осторожно оглядываться. Он оказался в большой комнате с низким потолком, углы которой были сплошь затянуты столетней серой паутиной. Через огромные окна лился холодный утренний свет, звёзды меркли. Комната была пустой, лишь по стенам стояли застеклённые книжные полки. В комнате не было холодно, но мужчина поёжился.

Вдруг одна из книжных полок мягко отъехала в сторону, открывая узкую потайную лестницу, по которой быстро спускалась высокая стройная фигура, затянутая в лиловый шёлковый плащ. Это был мужчина неопределённого возраста, холодный и властный.

Едва увидев приближающегося к нему Призрака, ожидающий вздрогнул и склонился в низком поклоне.

— Ну? — взмахнув золотым браслетом, холодно бросил вошедший.

По комнате брызнули разноцветные искры.

Мужчина в страхе отпрянул, но Марготт лишь наколдовал глубокое обитое малиновым бархатом кресло и уселся в него. Марготт был высоким и хорошо сложенным, его лицо можно было бы назвать красивым, если бы не та злоба, которая читалась во взгляде серых глаз — мёртвых, невыразительных и как будто припорошенных

инеем. Взгляд этих глаз насквозь пронзил стоящего у стены мужчину.

— Ну? — снова спросил Марготт, небрежно поправляя полу плаща неестественно длинными и тонкими пальцами.

— Люди говорят, что мальчишка действительно нашёл перстень, и артефакт признал его, — опустив глаза, тихо ответил мужчина, теребя рукой чёрный плащ. — Но доподлинно это неизвестно...

— Что говорят люди — я и сам знаю! — резко сказал развалившийся в кресле Марготт. — Я ждал от тебя большего.

Его собеседник вздрогнул, отступил назад и неуклюже привалился к стене.

— Я старался, — едва слышно пролепетал он. — Я очень старался. — Вы же знаете, что я...

— Мне нужны не пустые слова, а действия! — холодно ответил Марготт, стуча по подлокотникам длинными бледными пальцами. — Ты должен выкрасть мальчишку и доставить его сюда. Обязательно вместе с перстнем.

— Я... Это почти невыполнимо, — пробормотал, не поднимая глаз, мужчина.

Сидящий в кресле, казалось, и не слышал его:

— Помни: я на тебя рассчитываю, — ледяным тоном сказал Марготт. — Не подведи меня, а иначе пожалеешь. Очень пожалеешь.

С этими словами он встал с кресла, которое тут же исчезло. Сверкнул зеленоватый луч, полка медленно отъехала в сторону, открывая потайную лестницу, и через минуту мужчина в чёрном плаще одиноко стоял посередине пустого зала, неподвижным взглядом уставившись в пол, и, как рыба, хватая ртом воздух.

Тем временем Марготт взбежал по потайной лестнице и оказался в большом богато убранном зале. Он изо всех сил хлопнул дверью и опустился в глубокое кресло, обитое изумрудно-зелёным шёлком. Этот тринадцатилетний вышкворок начинал всерьёз его напрягать. Схватив со стола любимую хрустальную вазу, Марготт в бешенстве швырнул её на каменный пол.

Хрусталь разлетелся осколками по комнате, и звук разбитой вазы странным образом успокоил Марготта.

***

— У меня для вас хорошая новость, — сказала Мenea, заходя в палату к Лее. — Сегодня вечером мы вас отпустим домой. Рада, что вы выкарабкались — ведь вы три дня балансировали на грани жизни и смерти. Кстати, к вам посетители, — продолжала целительница. — Третий раз уже приходят, но раньше вы были

слишком слабой, и мы к вам их не пускали. А пока вы были без сознания, каждый день наведывался какой-то гадкий пижон, на весь свет костерил официальную медицину и даже пытался оставить вам какое-то обезболивающее, видимо, всерьёз считая, что его варево лучше, чем те средства, которые предлагаем мы... — целительница слегка улыбнулась, небрежно поправляя полу белоснежной туники.

— И где же это обезболивающее? — спросила эльфийка.

— Мы спустили этого «знахаря» с лестницы вместе с его отравой.

— Зря. Я бы не отказалась попробовать. Хуже, наверное, не будет, — сказала Вадь.

Рану вроде бы залечили неплохо, но иногда плечо отзывалось сильной болью то ли на перемену погоды, то ли на фазу Луны, а те обезболивающие маз, которые предлагали ей в клинике, помогали мало.

На лице целительницы отразились, сменяя друг друга, удивление, возмущение, обида, а затем она, насупившись, молча вышла из палаты. Несколько секунд спустя в дверь тихонько постучали.

— Войдите! — откликнулась Лея, и на пороге появились двое: Батир Рел — эльф-лодиарий, занимавшийся делом Таниты Лиран, с огромным

букетом белоснежных легенвиллий в руках, и ещё один неизвестный ей лодиарий-лешан. Оба были одеты в наглухо застёгнутые строгие чёрные туники.

От неожиданности девушка едва не вскрикнула.

— Что вам от меня нужно? — резко спросила она, садясь на кровати.

— Мы должны задать вам несколько вопросов касательно событий на Картрском поле, — слегка смущённо начал Рел. — Это — мой коллега Изар Тай, — представил он своего спутника.

Тай окинул палату быстрым изучающим взглядом, пододвинул стул поближе к кровати и сел. Из небольшой кожаной сумки он достал кусок пергамента и перо. Рел так и остался стоять у входной двери, смущенно перекладывая букет из одной руки в другую.

— Чёрный перстень найден? — без всякого вступления внезапно спросил Тай, впиваясь цепким взглядом в лицо девушки.

— Нет.

Ответ прозвучал твёрдо, но, возможно, чуть быстрее, чем следовало бы. Лал просил Лею никому не говорить о том, что перстень найден. Лодиарий что-то быстро записал на листочке пергамента.

— Вы уверены? — снова переспросил он, не поднимая головы.

— Абсолютно.

— Где Лал спрятал перстень? — снова резко спросил Тай, сверля глазами лицо эльфийки.

— Я не понимаю, о чём вы...

— Хватит! — внезапно вмешался Рел. — Ты забываешь, что она — не подозреваемая, а просто свидетель...

Как ни странно, слова подействовали, и Тай, воздержавшись от дальнейших расспросов, протянул Лее перо и пергамент.

— Распишитесь.

Отказываться было бессмысленно. Эльфийка, пробежав глазами текст, поставила свою подпись, и лодиарий направился к двери.

— Подожди минуту, я сейчас, — сказал Таю Рел.

Когда Тай исчез за дверью, лодиарий, подойдя вплотную к кровати, продолжил:

— Я хочу извиниться за то, что был так жесток к вам, — эльф протянул Лее легенвилию, но девушка отшатнулась от него:

— Уходите! Убирайтесь вместе со своими цветами!

— Я уйду, только выслушайте! Я не верил ни единому вашему слову, я считал вас убийцей девочки, ваше упрямство и поразительное спокойствие бесили меня... Лея, поймите: на допросе не до любезностей: без строгости, а где-то и жестокости не обойтись...

— Убирайтесь вон, а иначе я за себя не отвечаю! — закричала эльфийка, хватаясь за браслет. — Любая особа лучше всего раскрывается в том, как она относится к зависимым от неё людям, — продолжала она. — Вот тогда наружу вылезит вся подлость, циничность и жестокость.

— Простите меня! — отводя глаза, ещё раз повторил эльф.

Он положил цветы на кровать и быстро вышел за дверь.

Девушка вскочила с кровати, схватила букет и, как была босиком, выскочила в коридор:

— Забирайте свой веник, мне он не нужен!

Она всунула цветы в руку Рела и, прежде чем тот успел хоть что-то сказать, убежала в палату.

Забравшись с ногами на кровать, Лея сжалась в комок, натянула на себя одеяло и закрыла глаза. Внутри неё все кипело. Ей было страшно вспоминать те, казавшиеся бесконечными, декады, проведённые в Идоне. Ежедневные допросы сводились к одному: «Как в ладонь убитой попали ваши волосы? — этот вопрос в различных интерпретациях задавался ей по нескольку раз в день. И ещё каждый день ей говорили: «Мы знаем, что ты — убийца. Признавайся».

Её попытки доказать обратное уходили куда-то в пространство. Во время первого же допроса Лея попросила снять наручники,

стягивавшие за спиной руки, но Рел ответил, что на убийце должны быть наручники — без них она опасна для окружающих.

Не сдержавшись, эльфийка язвительно спросила, неужели вооружённый браслетом и двумя кинжалами лодиарий боится безоружной девушки, но её слова не задели Рела. Он не опускался до рукоприкладства, а всего лишь полностью запретил свидания с друзьями и родственниками, а также всяческие передачи, а под тоненьким, как пергамент, одеялом, несмотря на начало норали, спать было невероятно холодно. Кроме того, тюремная пища была очень солёной, а пить практически не давали. Когда через полтора месяца такой жизни эльфийке сказали, что её выпускают на поруки до суда, Лея не сразу в это поверила.

И вот теперь этот лодиарий явился просить прощения! Оригинал!..

Лея вспомнила слова Рела: «Ваше спокойствие бесило меня» и невесело усмехнулась. Да, в течение всех тех страшных декад на людях она была собранной и абсолютно спокойной, но в камере наедине с собой давала волю слезам.

Эльфийка была счастлива наконец-то вырваться из клиники и оказаться дома, но к вечеру не на шутку разболелось плечо. Ни одна из предписанных целителями мазей не помогала. Лея

рано легла спать, надеясь обмануть боль, но сон не шёл. Устав бороться с бессонницей, девушка занялась чтением, но и это не помогло. Лишь ближе к утру усталость всё-таки взяла верх, и она забылась зыбким, непрочным, тревожным сном.

***

Кутам Лал, медленно потягивающий ромашковый чай на балконе своего дома, насилу оторвался от огромной ужасной статьи о разгромленном Призраками Киете и развернул следующий менгир. «Чёрный перстень — слухи и домыслы» — гласил заголовок огромной статьи. В ней уже в который раз опровергались слухи о том, что таинственный Чёрный перстень найден, однако молва об этом продолжала жить.

Лал изо всех сил старался сохранить факт нахождения перстня в тайне, запретив своим людям говорить об этом кому бы то ни было, кроме проверенных членов Братства, но что знают двое — то знает мир. «Люди издёрганы, запуганы, — думал эльф, — и нет ничего удивительного в том, что они хватаются за перстень, как за соломинку».

В другой небольшой статье сообщалось о том, что в горах Ваалу-Пта нашли тела двух молодых эльфов, пропавших почти декаду назад. Оба тела

были обезглавлены, в них не осталось ни капли крови — как будто её высосали. Подобные сообщения время от времени проскальзывали в менгирах, пугали своей необъяснимостью, а потом, обрастая невысказанными домыслами, передавались из уст в уста.

Лал отложил в сторону менгиры, за чтением которых он провёл всё утро, и взял в руки письмо, которое полчаса назад свалилось прямо к нему на голову. Он в который раз вчитывался в скупые строчки письма, в котором Татур Вар, Великий Магистр Белой Ложи и его старинный друг — а дружили они вот уже сто тридцать два года — просил (а, точнее, приказывал) ему явиться к нему на аудиенцию. И принести с собой Чёрный перстень. Кутам глубоко вздохнул — у него были все основания считать, что предстоящий разговор будет не из самых простых. Затем эльф встал, накинул на плечи тёмно-бордовый дорожный плащ и направился к выходу. Он вышел на прилегающую к дому лужайку и телепортировался в Греаль.

Оказавшись в своём кабинете, Лал вынул из тайника цепочку с перстнем и надел её себе на шею.

Через двадцать минут он уже входил в огромную гостиную одной из неофициальных резиденций Великого Магистра. Это была небольшая вилла, утопающая в зелени огромного

кипарисового парка, прорезанного системой каналов.

Татур Вар встретил гостя на пороге гостиной, стены которой были сплошь увешаны мозаичными картинами. Это был орн высокого роста, крепкого телосложения и приятной наружности, спокойный и уравновешенный.

Магистр был одет в ниспадающую до земли белоснежную хламиду, расшитую семиконечными серебряными звездами; на его худом и бледном, с резкими чертами, лице и в живых серо-голубых глазах, обладавших гипнотическим взглядом, которые то блестели необычайно ярко, то угасали, отражались смелость, великодушие, самолюбие и ум. Голову Магистра украшал массивный серебряный обруч искусной работы, в который были вправлены три ярких рубина — символа власти, шесть крупных сапфиров, олицетворяющих собой мудрость, и десять жемчужин, символизирующих чистоту помыслов. На плечи свободно падали длинные волнистые светлые волосы. Татур, как и Кутам, излучал силу и мощь.

— Садитесь, Кутам, — орн указал на одно из удобных кожаных кресел. — Разговор, у нас, я думаю, будет долгим. Не желаешь ли что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— Как ты мог догадаться, говорить мы будем

о Чёрном перстне, — сказал Татур, когда его гость удобно устроился в кресле. — На, полюбуйся! — орн протянул Кутаму несколько листочков пергамента — это были показания, подписанные Леей и ещё несколькими людьми, которые знали о том, что перстень найден, однако отрицали это. — Ты, я вижу, подобрал надёжных людей! — с улыбкой продолжал Магистр.

Лал скользнул взглядом по листочкам пергамента, а затем выстрелил в них искрой и через несколько секунд убрал пепел синим лучом.

— Это я просил их об этом, — сказал он, — так что ответственность за ложные показания лежит на мне.

— Перестань, никто не собирается из-за этого дёргать девушку и остальных, — с лёгкой улыбкой ответил Татур. — Наоборот, я рад за тебя: в большинстве своём, окружение у тебя надёжное...

— Зачем вообще нужно было это делать? — немного резко спросил старый эльф.

Великий Магистр улыбнулся в полрта:

— Не поверишь: хотел лишний раз проверить твоих людей.

— Эти люди, Татур, много раз проверены делом.

Вар кивнул в знак согласия, щёлкнул пальцами, и к нему медленно подплыл высокий хрустальный бокал с крепким ароматным элем.

— Возвращаемся к перстню, — продолжал Магистр, медленно потягивая терпкий рябиновый эль. — Ты прихватил его с собой?

Лал кивнул, снял с шеи цепочку с перстнем и передал её Вару.

— Что ты планируешь с ним делать? — спросил Магистр, осторожно снимая перстень с цепочки.

— Отдам Владу, — после продолжительной паузы ответил эльф.

— Это — не самая лучшая идея, — тихим голосом возразил Татур. — Да, я знаю, мальчик нашёл перстень, и перстень его признал, но не слишком разумно отдавать величайший артефакт подростку именно сейчас. Он ещё не в состоянии понять, что это такое, — с этими словами Вар надел Чёрный перстень на указательный палец правой руки. Голубой камень как был, так и остался тусклым и мёртвым.

— Тебе прекрасно известны свойства этого артефакта, — тихо сказал Лал, искоса поглядывая на руку Магистра.

— Да, они мне известны, — ответил Татур, любуясь перстнем. — Владелец перстня, в котором сам артефакт признал своего хозяина, никогда не будет захвачен врасплох врагами, — задумчиво продолжал Магистр. — Стены Греаля — достаточно надёжная защита для мальчика, но всё

же он не всегда будет защищён стенами. Как бы этот перстень не навлёк на Владислава беды. Люди слабы... Эта схватка — самая трудная. Трудная, но не безнадёжная, хотя у Марготта и огромные силы... Что, если Влада подкараулят где-нибудь шпионы Марготта — а их развелось сейчас предостаточно, вспомни Сарр. Ты думал об этом? Тогда и перстень ему не поможет. Я надеюсь, ты не думаешь, что я стараюсь заполучить артефакт для того, чтобы самому им пользоваться. Я беспокоюсь в первую очередь о безопасности ещё толком ничего не понимающего подростка... ну, и, конечно, о безопасности перстня. В моей резиденции есть очень надёжный тайник, в котором мы можем до поры до времени хранить артефакт... Кутам, — продолжал Магистр, видя, что его гость неодобрительно качает головой, — это не просьба и не предложение. Это — приказ...

— Татур, в Грeале, в моём кабинете, тоже есть очень надёжный тайник, — после продолжительной паузы ответил эльф. — Давай остановимся на компромиссе, — продолжал он. — Я не отдам перстень Владу, но он будет храниться в моём тайнике в Грeале...

— Нет, — ответил Магистр. — Я хочу, чтобы все — и в первую очередь Марготт и его приспешники — увидели Чёрный перстень на моей руке. Я хочу, чтобы все они знали: артефакт у меня.

Да пойми же — я хочу отвести от Владислава беду!

Взгляд блестящих серо-голубых глаз скрестился со взглядом карих. В воздухе повисла довольно долгая пауза.

— Хорошо, пусть будет так, — медленно ответил, наконец, Лал.

— Кутам, я вот ещё о чём хотел у тебя спросить, — Магистр на секунду запнулся и продолжал, — ты полностью доверяешь Пери?

— Да, полностью, — кивая головой, твёрдо ответил старый эльф.

— Тогда почему ни ты, ни я, ни Братство — никто — не был предупрежден о готовящемся нападении на Киет? — спросил Магистр, глядя прямо в глаза собеседнику. — О Кидо речь не идёт, — продолжал он. — Нападение на это поселение было спонтанным, но налёт на Киет, я уверен, планировался заранее, и мы должны были быть о нём предупреждены... Почему ты не получил никакой информации о том, на кого работает Сарр — и это при том, что она, как нам теперь известно, почти три года была шпионкой Марготта?

— Я думаю, у Пери просто не было возможности использовать для пересылки писем пространственные искры, для телепатической связи, как ты знаешь, не было и нет подходящих условий, а почтовые вороны могли быть

перехвачены. Это — касательно передачи информации о нападении на Киет, — ответил Лал. — Что касается Сарр, то она, похоже, была очень глубоко законспирирована... Я думаю, о Сарр и о том, какую работу она выполняла, знало весьма ограниченное число самых близких и доверенных людей Марготта. Пери, к сожалению, к их числу не относится...

Магистр недоверчиво покачал головой:

— На всё-то у тебя есть ответы...

— Зато, как я тебе уже говорил, — продолжал Лал, — я получил от Пери предупреждение о том, что люди Марготта постараются испортить предстоящий конноспортивный праздник. Может, лучше его отменить?

— Я не буду отменять праздник, Кутам, — категорично ответил Магистр. — У людей так давно не было никаких развлечений и поводов для радости. Я прикажу удвоить число патрулирующих лодариев. Думаю, все обойдётся...

— Ладно, тебе виднее, — после паузы ответил эльф.

Лал сам был Великим Магистром и правителем Валии в течение двадцати двух лет, а потому он прекрасно понимал, как тяжело сейчас Вару, как трудно ему поднять дух уставших от долгой войны людей.

— Кстати, а почему ты не в лиловом? —

спросил Лал, желая, похоже, этим слегка ироническим вопросом немного разрядить обстановку.

Татур хмыкнул:

— Сам понимаешь: после того, как Марготт сделал лиловый цвет своим, я испытываю к нему стойкое отвращение.

— Татур, я хочу с тобой посоветоваться, — после небольшой паузы продолжал гость. — В Греале на данный момент есть две вакантные должности — преподавателя практической магии и преподавателя телепатии и ливато. На свете, к сожалению, спокойнее не становится... История с Сарр тебе известна... Что касается Ирима Лана, то он не может больше преподавать по состоянию здоровья. Как я не упрашивал его — увы... Ты сам понимаешь, что мне нужны проверенные люди, и сам знаешь, какое сейчас время. Может быть, ты можешь мне кого-нибудь порекомендовать?...

***

...Две декады в Праге промелькнули, как один день.

— Ну и как прошли мои похороны? — в первый же вечер за ужином спросил у отца Влад.

— Нормально, — слабо усмехнувшись,

ответил Александр Яковлевич. — Пришёл весь твой класс. Твоя классная всё время плакала и говорила, какой ты был замечательный. Мне было очень неловко, но сказать правду я не мог.

— Вот видишь, чтобы узнать, какой ты на самом деле, нужно всего-навсего умереть, — с улыбкой заметил Влад.

В первые дни отец с сыном вместе со всей группой как стадо баранов носились по Праге за колоритным пузатым чехом-экскурсоводом в массивных роговых очках, отвратительно говорившим по-русски, а потом, отколовшись от группы туристов, днями напролёт бродили по лабиринтам узеньких пражских улиц и Пражскому Граду, то и дело возвращаясь к Староместской площади. Они говорили обо всём на свете и не могли наговориться, а почти каждый вечер Влад устраивал в небольшом отеле, где они остановились, гитарные концерты до полуночи, несмотря на бурные протесты соседей.

Будучи людьми любознательными, отец и сын посетили все обязательные туристические места Праги, и, прижав ладонь к знаменитому барельефу под статуей Яна Непомука на Карловом мосту, Влад загадал желание: «Я хочу, чтобы отец не был одинок и несчастлив».

Прага околдовывала: они вставали всё раньше, а ложились всё позже, но времени

осмотреть весь город всё равно не хватало. Часто они днями бродили по Праге абсолютно бесцельно, просто растворяясь в этом городе. За эти несколько дней Владиславу стало ясно: этот мир ему уже чужой, с ним его ничего не связывает, кроме отца. Интернет, из которого раньше его было не вытянуть за уши, и компьютерные «стрелялки» совершенно не привлекали.

— Да, ты стал совершенно другим за этот год, — в первый же день сказал Владиславу отец, глядя на заметно окрепшего и возмужавшего сына. — Где и чему тебя там учат?

— Да как тебе сказать... Учусь я в каком-то гибриде Шаолиня и Военной академии, — с улыбкой ответил парень. — Тяжело, но нравится.

— Тебе действительно там нравится? — с недоверием переспросил отец.

— Да.

— А зачем тебе эта штука? — Александр Яковлевич глазами указал на серебряный браслет на запястье сына.

— Это — оружие, и очень серьезное, — ответил Влад. — Но здесь, в этом мире, нам запрещено использовать браслет, так что извини — ничего показать тебе не могу, — добавил он, заметив, что отец готов попросить его продемонстрировать свойства с виду такой безобидной серебряной ленты.

— Ну, и как там вообще жизнь?

— Да нормально, — Влад решил не вдаваться в подробности о том, что Валя вот уже двадцать семь лет как охвачена войной.

За время пребывания в Праге Владислав, в первый день с непривычки смотревший на свой мобильник как папуас на лампочку, несколько раз созванивался с Артёмом и Алисой. И Артём, и Алиса были в восторге от отдыха в Египте, где они никогда не бывали ранее, хотя, как и он, скучали по Валии.

Брат с сестрой не теряли времени даром: они вместе с матерью съездили на экскурсии в Каир, Мемфис и Луксор, посетили лазерное шоу у пирамид. Не обошлось и без казусов: Никаноровы умудрились встретить в Египте свою бывшую «французенку», которую на чистейшем французском без особого труда убедили в том, что они — это не они. И как было бедной женщине не поверить — ведь её трагически погибшие в автомобильной катастрофе ученики, как две капли воды похожие на юных французов, по-французски и двух слов связать не могли!

— Папа, а в день моего рождения... не произошло ничего особенного? — как-то вечером спросил у отца Влад.

Он долго собирался с духом, чтобы задать этот очень важный для него вопрос, и, наконец,

решился.

— Звёзды с небес точно не падали, — с улыбкой ответил Александр Яковлевич.

У Влада отлегло от сердца: значит, легенда указывает не на него!

— Правда, — продолжал отец, — в тот день было полное солнечное затмение, и это очень напугало твою мать. Вот уж не думал, что Береника такая мнительная.

Владислав вздрогнул. «Мама знала легенду, как ей было не испугаться», — подумал он и почувствовал, как на мгновение замерло сердце, а по спине пробежал холодок.

В последний день отдыха в Праге Влада разбудило ни свет, ни заря громкое воркованье голубей. Парень сладко потянулся и повернулся на другой бок, намереваясь ещё немного поспать, но вдруг в его сознании звякнул колокольчик тревоги: что-то было не так. Он, не открывая глаз, прислушался — полная тишина. Влад глубоко вздохнул и понял, что его так насторожило: в воздухе витал едва уловимый запах лаванды.

Здесь недавно был эльф! Чистокровный эльф! «Неужели за мной следили»? — вихрем пронеслось в голове. Встревоженный этой мыслью, Владислав вскочил и откинул шторы — дверь на балкон была приоткрыта. Он выскочил на балкон, огляделся — нигде никого. В поле зрения был только

неуклюжий дворник в соломенной шляпе и потёртых джинсах с вызывающей невольную улыбку огромной метлой.

— Извините, — по-чешски крикнул ему Влад, — вы здесь, на этом балконе, никого не видели?

— А кого я должен был видеть у тебя на балконе? — не поднимая головы, раздражённо бросил на том же языке мужчина, неловкими движениями сметая в кучу мусор. — Карлсона?

Смущённый Влад вернулся в комнату.

— Пап, ты оставлял с вечера открытым балкон? — встревожено спросил он только что проснувшегося отца.

— Да, ведь в номере очень жарко, — ответил тот.

Владислав снова глубоко вздохнул. Запаха лаванды уже не было. «Померещилось, — подумал он. — Я, похоже, становлюсь параноиком».

Парень попытался успокоить себя, однако он был уверен, что запах лаванды ему не померещился.

Ближе к вечеру Владислав собрал рюкзак, повесил на плечо зачехленную гитару, простился с отцом, который должен был на следующий день уехать домой с группой туристов, и поехал на окраину города, в лес, к порталу. Добравшись до знакомого камня, он перешёл через портал в Валию

и обнаружил себя неподалёку от Жёлтого дома — так они с Эдной называли своё жилище. Влад решил, что сначала он заглянет домой, а уж потом, как и обещал, отправится в Греаль и заберёт из тайника перстень.

— Ну и как тебе Прага? — с любопытством расспрашивала внука Эдна, подкладывая ему в тарелку фаршированную рыбу. — Понравилась?

— Разве Злата Прага может не понравиться? Это — один из самых красивых лердовских городов, — с наполненным ртом кое-как ответил Влад.

— Ты ещё не видел самых красивых городов Валии, — с улыбкой ответила эльфийка. — Да, кстати, пока ты отдыхал в Праге, из Греалья прислали список учебников для второго курса, а ещё тебе пришло аж три письма: от лока Лала, от Иды и от Артёма.

Первым Влад вскрыл письмо, пришедшее из Греалья: «Владислав, я жду тебя в Греале для важного разговора. Отправляйся в крепость сразу же, как вернёшься в Валию. Надеюсь, ты хорошо провёл время в Праге. К. Л».

Артём написал письмо по-русски: «Привет! Мы с Алисой надеемся, что у тебя всё О.К. Надо бы встретиться, поговорить. Пиши».

Ида писала, что за то время, пока Влад был в Праге, произошло много важных событий, которые

надо обсудить, и предлагала встретиться на следующий день в Йете.

Вечером Владислав телепортировался в Греаль. Ректор ждал его в своем кабинете. Он передал Владу весь свой разговор с Великим Магистром и решение, к которому они пришли.

— Мне бы очень хотелось, чтобы Чёрный перстень был постоянно с тобой, — сказал старый эльф, — но, возможно, Великий Магистр не совсем неправ. Этот артефакт сейчас привлекает к себе слишком большое внимание. Пусть он до поры — до времени побудет у Магистра. Не возражаешь?

Влад кивнул, давая тем самым понять, что он не возражает, хотя на душе почему-то скребли кошки.

— Вот, посмотри, — ректор протянул Владиславу менгир, в котором была размещена огромная пиктограмма: Магистр с Чёрным перстнем на правой руке объявлял сотням тысяч людей, собравшимся на главной площади Йета о том, что один из древнейших артефактов, принадлежавших Великой Четвёрке, действительно найден и находится у него. Влад удовлетворённо улыбнулся, заметив, что камень, вставленный в перстень, не сиял — он был тусклым и мёртвым.

— Чёрный перстень не меняет хозяев, — будто прочитав его мысли, тихим голосом сказал Лал. — Нового хозяина он выберет только после

твоей смерти.

Влад продолжал внимательно разглядывать пиктограмму.

— Весь этот спектакль разыгран, в первую очередь, для твоей безопасности, — продолжал старый эльф. — Будет лучше, если Марготт и Призраки будут знать, что перстень у Магистра.

Влад отложил менгир и нехотя кивнул. Поколебавшись с минуту, он решил поделиться с ректором своими подозрениями насчёт возможной слежки в Праге. Выслушав его, Лал несколько минут сосредоточенно молчал, барабанил пальцами по ручкам кресла, а затем сказал:

— О том, куда именно ты был отправлен для встречи с отцом, знало весьма ограниченное число людей. Я никого не просил присматривать за тобой. И это меня очень пугает.

Влад, глядя на не на шутку обеспокоенного ректора, уже пожалел о том, что заговорил о своих подозрениях.

— Наверное, мне показалось, — неуверенно сказал он. — Как бы то ни было, ведь я здесь, я жив-здоров, так что беспокоиться не о чем.

— Ты ошибаешься, — задумчиво ответил старый эльф. — Повод для беспокойства есть, и весьма серьёзный. Но не переживай, — продолжал он, — я попытаюсь с этим разобраться, — с этими словами Лал поднялся и подошёл к резной

деревянной этажерке, на которой стопкой лежали листки пергамента.

Ректор взял несколько листочков пергамента и вернулся в кресло.

— Я желаю тебе хорошо провести оставшуюся часть каникул, — сказал он, поднимая глаза на Влада. — Второй курс будет намного труднее первого, так что отдыхай, пока есть возможность.

— Лока Лал, а как раненый стражник? — спросил Влад, вставая.

— Он умер, — отводя взгляд, тихо ответил старый эльф. — Рана была смертельной... Целители оказались бессильны.

Владислав вздрогнул — ещё одна жертва Сарр... Молча кивнув ректору, парень вышел за дверь.

Оставшись один, Кутам Лал тут же написал несколько коротких писем и отослал при помощи искр. Стемнело. На небе зажглись первые звёзды.

Менее чем через двадцать минут те пятеро, которым были адресованы письма, вошли к нему в кабинет: Диро, Чернов, Руни, Яф и Вадь. Эта пятёрка, да ещё Саита Ютт, уехавшая отдыхать на Бурный океан, Лита Санг, пересекавшая сейчас верхом Фелтскую пустошь в поисках таинственной пустынной мандрагоры, и Аретт Нури, ушедший в одиночный поход в Даянские горы, были теми

людьми из окружения Лала, которым он доверял безоговорочно.

Старый эльф скользнул взглядом по бледным, сосредоточенным лицам. Все явившиеся к нему понимали: если их на ночь глядя срочно вызвали в крепость — значит, произошло что-то особенное. Что бы он делал без них всех — без Диро с его умением всегда и везде сохранять спокойствие, без ума и интуиции Яна, оптимизма Саманты, без Самира, который мог найти выход из любой, самой безнадежной ситуации, без спокойной преданности Леи. Лал рассказал пришедшим о своём разговоре с Владиславом и, помолчав, спросил:

— Какие у кого есть мысли по этому поводу?

Долгое время никто не проронил ни слова. Наконец заговорила Саманта:

— Я не запрещала Владиславу говорить друзьям о том, куда он направляется на каникулах для встречи с отцом, и его вполне могли подслушать. Но только...

— Неужели в Грeале есть ещё кто-то из людей Марготта? — тихо спросила Лея.

— Очень надеюсь, что нет, — ответил Лал. — Может быть, кто-нибудь из вас говорил о Владиславе с кем-то из своих знакомых? — спросил он.

— Нет, — в один голос ответили Диро, Чернов, Руни и Яф, а Вадь молча покачала головой.

В кабинете повисло молчание.

— К счастью, Владислав жив и здоров, — наконец сказал, прерывая молчание, Лал. — Но я прошу вас всех быть максимально осторожными, — эльф медленно обвёл глазами присутствующих. — А теперь все свободны, — продолжал он. — Тебя, Лея, я попрошу задержаться...

Яф, Диро, Руни и Чернов поднялись и молча вышли.

— Лея, я хочу, чтобы ты знала: я восхищаюсь твоим поведением там, на Картрском поле, — сказал Лал эльфийке, когда они остались вдвоём.

— Думаете, я такая смелая? — невесело усмехнулась девушка. — Оказаться в плену под пытками страшно, но своих я бы не предала.

— Я знаю, — тихо ответил ей эльф. — Знаю... Ты в порядке? — мягким голосом спросил Лал эльфийку.

— Да, стараюсь, — не очень уверенно ответила Вадь.

Старый эльф внимательно посмотрел в глаза девушке и сказал, покачивая головой:

— Врёшь.

— Ну, если честно, я немного побаиваюсь, — тихо ответила Лея. — Даже не немного. Мне очень страшно. Боюсь представить, что меня ждёт в школе, когда начнётся учебный год. Если кто-нибудь из студентов напишет на дверях моего

кабинета «Убийца»...

Тонкое лицо её стало бледным, белым — без единой кровинки.

— Лея, я убеждён, что этого не будет, — спокойно ответил ректор. — А если найдётся «весельчак», способный так жестоко пошутить, то я его найду и самолично выпорю, хотя этот вид наказания не применяется в Грeале уже много лет... Ну вот, наконец-то ты улыбнулась, — добавил эльф после небольшой паузы.

***

Влад, Артём, Алиса и Ида встретились через несколько дней в Йете.

— Пошли в кофейню, — предложила Ида. — Погода на улице не самая лучшая.

Они зашли в небольшую наполовину пустую кофейню.

— Знаете, я вам почти завидовала, — сказала Гельде, когда они устроились за маленьким круглым столиком и заказали кофе с корицей на талой воде и вишнёвый пирог. — Пока вы отдыхали в мире лердов, тут такие дела творились! Призраки разгромили Киет, небольшой город в двухстах агдарах от Йета. Раньше они боялись так далеко на север соваться, а теперь... Они напали глухой

ночью, нападение было внезапным. Призракам удалось перебить стражу и ворваться в город. Много людей погибло. Они не смогли телепортироваться. В городе, похоже, действовали несколько шпионов Марготта. Они поставили много антiteleпортационных ловушек. И большинство жителей оказалось в западне. Всего около тысячи поселенцев смогли вырваться за город и спастись, остальные погибли.

— Хоть кто-то из тех, кто не смог вырваться за город, выжил? — мрачно спросил Артём, разрезая пирог. — Теперь понимаю, почему отец спрятал от нас все менгиры, — хмуро добавил он.

Влад промолчал. Он тоже не смог найти дома ни одного менгира — Эдна сказала, что она их выбросила. Это разозлило. «Почему от нас всё скрывают? Почему нас до сих пор считают детьми?» — думал он.

— Спасти смогла только одна девочка, — со вздохом ответила Ида. — Она, я думаю, притворилась мёртвой, — добавила она. — В менгирах писали, что у девочки шок. Она не помнит ничего, кроме своего имени. Не удивительно — наверное, всех её близких убили у неё на глазах.

Наступило долгое молчание.

— Девять дней назад было ещё одно нападение, — продолжала эльфийка. — На этот раз

Призраки напали на Кидо — небольшое поселение в горах. Это нападение было, видимо, спонтанным — в нём участвовало порядка ста Призраков, большая часть из которых была перебита. Среди жителей Кидо тоже были потери — погибло пятьдесят восемь поселенцев, и среди них — орна Альдена Риторо, одна из красивейших девушек Валии...

— Давайте сменим тему, — вздохнув, сказала Алиса. — Как там твоя подготовка к скачкам? — спросила она у Гельде. — Я надеюсь, их не отменили из-за событий в Киете и Кидо?

— Не отменили, но перенесли на более позднее время, так как ещё не закончился траур по погибшим, — ответила Ида. — Чем ближе скачки, тем больше я боюсь! — добавила она. — Скачек не было целых четыре года, и поэтому сейчас очень много желающих принять в них участие. Участники бросали жребий, и нас всех разделили на четыре группы в соответствии со жребием, — продолжала эльфийка. — А в финальную часть скачек выходят только двенадцать участниц, по три лучших из каждой группы... И надо ж было так случиться, что в мою группу попала Юмила Римана!..

— А кто такая эта Юмила? — смакуя кофе, спросила Алиса.

— Юмила — валькирия, — ответила эльфийка. — Ей недавно исполнилось сто

восемнадцать лет, но она по-прежнему одна из лучших наездниц Валии. Выиграть у неё невозможно!.. Кстати, — понизив голос, продолжала девочка, — в свободное от подготовки к скачкам время я учила старозельфийский и шаталась по библиотекам — искала любую информацию о Великой Четвёрке. Глухо... — со вздохом добавила она. — А я так надеялась наткнуться на какое-нибудь упоминание об артефактах...

— Ты как хочешь, Ида, а с меня достаточно и перстня! — резко оборвал кузину Влад. — Тебя там, на Картрском поле, не было, ты не сталкивалась лицом к лицу с Марготтом, ты не видела осатаневшую Аймиру, ты не знаешь, что такое белый луч и...

— Я слышала об этой невероятно жестокой пытке, которую часто используют Призраки, — тихо ответила Ида. — Несчастные, которых длительно ей подвергают, обычно сходят с ума от непереносимой физической боли...

Между ними повисло тягостное молчание. Владислав уже жалел об этой вспышке. Разговор не клеился, и друзья стали прощаться.

Расставшись с Артёмом, Алисой и Идой, Влад пошёл в Карренскую библиотеку — посмотреть менгиры. То, что он увидел в них, было действительно кошмарно: десятки, сотни убитых

людей. Мужчины, старики, женщины, дети... Младенцы... Парня трясло от гнева и ужаса. «Нужно попытаться найти оставшиеся артефакты, — подумал он, — ведь, похоже, это — единственный шанс навсегда остановить Марготта».

В одном из менгиров Владислав наткнулся на пиктограмму молодой девушки с лицом удивительной, тонкой красоты. Тёмно-синие глаза с поволокой усиливали очарование. «Орна Альдена Риторо погибла, защищая от Призраков больную мать», — гласила надпись под пиктограммой.

Парень скрипнул зубами и быстро скатал менгир в свиток.

Вечером, придя домой, Влад застал в гостиной незнакомую черноволосую девушку. Заплаканная гостья была одета дорого и изысканно. Эдна отпаивала красавицу валькирию ароматным липовым чаем:

— За счастье своё всегда нужно бороться, — сказала она. — Сама решай, Нирвюра, что для тебя более важно — любимый или мнение твоих родителей...

— Кто эта девушка и зачем она приходила? — спросил Влад, когда гостья ушла.

— Нирвюра — валькирия, как ты сам мог заметить, — ответила Эдна. — Она из очень богатой и знатной семьи, наследница большого

состояния. А полюбила, по мнению её родителей, не того, кого следовало — эльфа-полукровку. И родители грозятся выгнать её из дома...

— А почему она пришла именно к тебе? — удивлённо спросил Влад.

— Ну, я всегда старалась помогать молодым парам, попавшим в такую ситуацию, — со вздохом ответила Эдна. — Особенно раньше, когда у меня было побольше денег.

— Если так, то ты явно успела нажить себе врагов, — заметил Влад.

— Недоброжелатели имеются, не без этого, — усмехнувшись, ответила эльфийка.

— И много здесь таких, которые считают, что полукровки — люди второго сорта?

— К счастью, единицы, — ответила Эдна и быстро отвела взгляд.

Они ужинали при свечах в увитой плющом беседке на берегу озера. Точнее, Влад ужинал, а Эдна перелистывала книгу. Тишину летнего вечера нарушало лишь кваканье лягушек, стрекотание невидимых сверчков да соловьиные трели. Неожиданно раздался тихий всплеск воды, и Влад, взглянув на озёрную гладь, не поверил своим глазам: из воды высунулся сначала длинный спинной плавник, а затем — смеющаяся морда дельфина. Дельфин издал резкий протяжный свист, сделал несколько высоких изящных прыжков и

снова исчез в воде. Влад, всё ещё не придя в себя от удивления, спросил у Эдны:

— Неужели это дельфин?

— Ну да, дельфин, ты же сам видел, — смеясь, ответила эльфийка. — Озёрный дельфин. Его зовут Витор. Озёрные дельфины — большая редкость. Дельфины пришли в озёра и крупные реки из открытого океана много миллионов лет назад и приспособились к жизни в пресной воде.

— Но почему я никогда раньше не видел его? — спросил Влад.

— Витор не любит чужих, — ответила Эдна. — Целый год он к тебе присматривался, и вот сегодня показался. Это значит, что он тебя признал.

Владислав встал из-за стола и подошёл к самому озеру, надеясь ещё раз увидеть Витора, но дельфин больше не показывался.

— Неужели кроме Великой Четвёрки никто и никогда не пытался убить Марготта? — спросил Влад, снова усаживаясь за стол.

— Да нет, почему же, пытались, — ответила эльфийка, откладывая в сторону книгу. — Восемнадцать лет назад среди приближённых Марготта возник заговор. Мне сложно говорить о причинах — возможно, у кого-то из его приспешников открылись глаза или заговорили остатки совести... Целью заговора было магическое покушение. Это была попытка уничтожить

Марготта при помощи магического воздействия на изображающие его восковые фигурки. Заговор был раскрыт, четверо заговорщиков после пыток были казнены, шестеро успели покончить жизнь самоубийством.

— Это покушение хоть как-то повлияло на Марготта? — спросил Влад.

— К сожалению, нет. Он жив-здоров.

Порыв ветра вздыбил мелкую рябь на озере, закачались заросли прибрежной травы.

— Потом нашлись ещё отчаянные головы, — продолжала эльфийка. — Около пятнадцати лет назад трое членов Белого Братства — лешан, орн и эльф-полукровка, — совсем молодые, им было лет по двадцать, — в плащах Призраков пробрались в самое логово Марготта, в замок Зив-Рар, тихо сняли стоящую на часах стражу, но были схвачены уже в самом замке, в личных покоях Марготта...

Эдна замолчала. Влад сидел, почти не дыша, сжав губы и опустив глаза. Он не был уверен, что хочет знать, что было дальше.

— Целую декаду их пытали в подвалах замка: мучили, отливали водой и снова мучили, а потом убили, — продолжала женщина. — Потом, девять лет назад нашлись ещё двое смелых и попытались отравить Марготта. Они приготовили отравленные свечи, которые при горении выделяли сильный яд, но Марготт заподозрил неладное, как только свечи

были принесены в его комнаты — на опасность у него просто звериное чутьё. Два замечательных алхимика поплатились за эту попытку жизнями. Больше никто и никогда не пытался убить чудовище.

Владислав вздрогнул, потом совладал с собой, допил чай, опустил чашку на блюдце, и, подняв на Эдну глаза, спросил:

— Как ты думаешь, почему Марготт стал тем, кем он стал?

— Он с детства был любимчиком: первый мальчик, родившийся в семье за более чем триста лет, — после продолжительной паузы ответила Эдна. — Он никогда ни в чём не знал трудностей: умный, красивый, талантливый, обожаемый родителями и сестрой. И Марготт возжаждал абсолютной власти — захотел, чтобы ему служили все. В нём живёт неутолимая жажда крови и чужих страданий, — помолчав, добавила эльфийка. — Марготт трясётся за своё физическое существование, он жаждет бессмертия, возможно, понимая, что после смерти за всё придётся платить.

Женщина замолчала, сорвала небольшую ромашку и стала медленно обрывать лепестки цветка.

— Одного не пойму: как он смог убить родителей и сестру? — не отрывая взгляд от падающих лепестков, спросил парень.

— Родители Марготта и его сестра Арданда погибли, потому что пытались остановить чудовище. Если бы не пытались, остались бы живы, — со вздохом ответила эльфийка.

Прежде чем задать следующий вопрос, Влад долго смотрел на солнечные блики, вспыхивающие и гаснущие на глади воды.

— А пророчество... пророчество о том, кто остановит Марготта — кому оно принадлежит? — наконец спросил он, избегая смотреть на Эдну.

— Пророчество это — и о самом Марготте, и о том, кто его остановит — было сделано более тысячи лет назад, — после долгой паузы ответила эльфийка. — Принадлежит оно знаменитой пророчице — валькирии Дальфе Ларро. Дальфа была слепой от рождения, а люди, и особенно — дети часто жестоки к тем, кто хоть чем-то отличается от них, — со вздохом продолжала женщина. — Поэтому бедная девочка была изгоем среди сверстников. Они придумали жестокую забаву: Дальфу стегали осиновыми прутьями и крапивой, зная, что она не увидит, кто её обижает и не пожалуется на обидчиков, или сталкивали в глубокую яму и, хихикая, смотрели, как она на ощупь выбирается оттуда.

Влад почувствовал, как у него запершило в горле и защипало глаза. Он уже был не рад, что задал этот вопрос.

— Жаловаться Дальфе, по сути, было некому, — между тем продолжала эльфийка. — В семье девочку тоже шпыняли, считая, в первую очередь, лишним ртом. Только одна из старших сестёр — Алара — относилась к Дальфе с сочувствием и постоянно её защищала. Когда Алара вышла замуж, она забрала сестру в свою семью, и Дальфа жила там до самой смерти, а умерла она рано — в тридцать три года... Так вот, касательно пророчества, — после паузы продолжала Эдна, — Дальфа с самого детства время от времени впадала в состояние транса. Это случалось с ней не часто — один-два раза в месяц. И тогда она не своим голосом выкрикивала пророчества, которые сбывались с поразительной точностью. Эти пророчества дошли до нас благодаря всё той же Аларе — валькирия не поленилась их записывать.

— А как звучит само пророчество? — тихо спросил Владислав, поднимая глаза на Эдну.

— Дословно я тебе не скажу, — качая головой, ответила эльфийка, — но приблизительный текст таков: «Придёт чёрный властитель и убьёт светлого, и затмит своею силой всю Валию. Четверо смелых с четырьмя дарами встанут у него на пути и почти одолеют его, но и сами будут повержены. А потом придут ещё четверо, и среди них один, рождённый в день, когда

исчезнет солнце. Этот один впитает силы погибшей четвёрки, он найдёт четыре дара, и они признают его. И повержен будет чёрный властитель, и обратится он в прах».

Голос Эдны умолк. Владислав сидел молча, пристально глядя на озёрную гладь.

— А правда, что в день моего рождения было солнечное затмение? — тихо спросил он, по-прежнему глядя на озеро.

— Да, это правда, — вздрогнув, ответила женщина.

Больше они не разговаривали. Они сидели и смотрели, как гаснут последние лучи заходящего солнца, как медленно сгущаются сумерки, и лишь когда полностью стемнело, ушли в дом.

В тот же вечер Владислав отослал Иде письмо, в котором предложил ей вместе искать информацию об оставшихся артефактах. Меньше чем через полчаса прямо перед ним на пол упало ответное послание. Гельде предлагала искать необходимую информацию в закрытой секции Карренской библиотеки. Они подключили к поискам Алису и Артёма, однако кропотливое копание в книгах успеха не принесло.

Глава вторая

Сорванный праздник

— Да не дёргайся ты так! — спокойно сказал Чернов Саманте. — Телепортацией воспользовался только я, и если кого и вызовут на разборки в Департамент, так это меня.

Нервная и взвинченная Руни автоматически кивнула.

Они только что вернулись из весьма специфической «командировки» в мир лердов. Ян и Саманта должны были выкрасть из столицы Греции Оливию Сеттор, эльфийку-полукровку, которую мать наотрез отказалась отпускать в Валию. Спокойно и цивилизованно поговорить с женщиной не удалось, хотя Чернов и Руни предприняли несколько попыток. Мать Оливии устроила настоящий скандал и на пушечный выстрел не подпустила их к дочери, а кроме того, тут же вызвала полицию, так что гостям пришлось уносить ноги.

Хотя Оливию постоянно отвозила в школу и забирала из неё гувернантка с машиной, Саманте и Яну удалось на перемене поговорить с девочкой. Они думали, что столкнутся с недоверием и страхом, но гречанка, улыбнувшись, вдруг заявила:

— А я давно знала, что я не такая, как все. Не знала, правда, что я — наполовину эльфийка. Это здорово.

Оливия согласилась отправиться с ними в Валию. Ян написал короткое письмо матери